

яна **Р**озова
Ненский детектив

**ИМПРОВИЗАЦИЯ
НА ТЕМУ
УБИЙСТВА**

Я увидела,
что лицо Игоря
красиво и покойно,
только на лбу
чернеет маленькое
пятнышко.

Яна Розова

Импровизация на тему убийства

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=591525

Яна Розова. Импровизация на тему убийства: Центрполиграф; Москва;

2010

ISBN 978-5-227-02166-3

Аннотация

Она пришла к любимому, чтобы остаться с ним навсегда, но обнаружила его и свою лучшую подругу убитыми. Как они оказались в одной постели? И кому была выгодна их смерть? Пытаясь вычислить убийцу, героиня обнаруживает неожиданные черты характеров давно знакомых людей. Она пройдет через странные испытания, чтобы сложить загадочные кусочки вымысла в жуткую картину реального преступления.

Содержание

Часть первая. Джаз-рок	4
Часть вторая. Свинг	42
Глава 1	42
Глава 2	49
Глава 3	54
Часть третья. Регтайм	62
Глава 1	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Яна Розова

Импровизация на тему убийства

Часть первая. Джаз-рок

7 июня, поздний вечер

Даже мертвым Игорь был очень красив. Он полусидел в постели, откинув голову на подушку. Его лицо было совершенно спокойно, только на лбу чернело маленькое пятнышко.

Я глаз не могла оторвать от него, мне даже показалось, что пятнышко это нарисовано. Но оно не было нарисовано. В правой руке Игоря лежал черный, маленький, словно игрушечный, револьвер. Это был уникальный револьвер – реплика семизарядного «смит-и-вессона» 22-го калибра, произведенного на заводе «Смит-Вессон» в городе Спрингфилд, штат Массачусетс, в 1857 году. Он был будто бы из другого мира – из приключенческих кинофильмов о шпионах или путешественниках девятнадцатого века. И диссонировал с этой комнатой настолько, что я потянулась к его деревянной рукоятке, чтобы избавиться от несоответствия.

«Смит-и-вессон» принадлежал моему мужу, Нику Суха-

реву.

Опомнившись, я отдернула руку и только тогда заметила на краю постели женское обнаженное тело, лежавшее ничком. Крови на теле видно не было. Приблизившись на полшага вперед, я разглядела пушистые светлые волосы. А сделав еще полшажочка, поняла, что это Кристина Пряничникова. Вся ее одежда, а я тут же узнала черные кожаные брюки с белыми лаковыми вставками, валялась перед кроватью. Кристина, наверное, очень спешила раздеться, если вот так побросала свои вещи, на которые обычно она просто молилась.

Что же, и я раздевалась в этой комнате очень быстро.

Почему-то я не кричала и не плакала. Даже сознавала, что спокойствие мое какое-то ненормальное...

В комнате Игоря я пробыла около пяти минут.

Вернулась в машину, ощущая пустоту во всем теле и ту же самую пустоту в мыслях. Меня колотило, не знаю от чего больше – от холода или от нервов.

7 июня, полночь

Завести машину и ехать домой я не могла. В тот момент я и дышать не могла, не то что вести свой «ниссан».

Машина моя стояла в очень удобном месте – в кармашке напротив соседнего подъезда. Как только села за руль, сразу вспомнила, что в бардачке машины лежит маленькая, в четверть литра, непочатая бутылка коньяка. Ее купила я вчера

утром, когда решила объявить мужу, что мы разводимся и я ухожу жить к другому мужчине. То есть к Игорю.

Купить купила, но вытащить из машины забыла. И Ника я угощала из прежних, довольно скудных, запасов. Я достала коньяк из бардачка, открыла крышку и, успев подумать, что пить из горла мне приходится впервые, сделала большой глоток.

Коньяк мне показался горячим, будто я не пила его, а вдыхала горлом спиртовой пар... Закашлявшись, я вытерла рот.

Неожиданно проснулась первая эмоция – удивление – и вскоре приняла форму вопроса: что же произошло в квартире Игоря? А через несколько мгновений и два глотка этот один большой вопрос рассыпался на тысячу маленьких: как Кристина оказалась в постели Игоря? Откуда у Игоря револьвер моего мужа? Зачем Игорь застрелился? Зачем Игорь застрелил Кристину? И самый главный: как мне теперь жить? Но на этот вопрос я не стала даже пытаться искать ответ.

Отхлебнув еще глоток коньяку, сосредоточилась на самом неприятном из своих вопросов – на голом теле Кристины Пряничниковой. Откуда она взялась в комнате Игоря?

8 июня, раннее утро

Меня разбудил мобильный телефон. Сначала я потянулась к сумке, чтобы достать трубку, но потом передумала. Звонил кто-то упорный и настырный – мобильник трещал

чуть ли не минуту.

Память возвращалась болезненными рывками. Наконец стало ясно: я сижу в машине возле дома Игоря, а он мертв.

Надо было хоть немного размяться, поэтому я выбралась из машины и только тогда обратила внимание, что у подъезда Игоря собралась небольшая группа: три старушки, седой джентльмен с собакой, двое мальчишек в спортивных штанах и кроссовках и молодой мужчина с вьющимися черными волосами. Этот мужчина что-то говорил остальным, точнее, неохотно отвечал на их вопросы.

Было ясно, что тело Игоря нашли.

Моя машина, скрытая ветвями деревьев, находилась от подъезда метрах в двадцати. Казалось, разглядеть меня непросто, но все-таки я поймала на себе взгляд кудрявого. В его глазах был вопрос, будто он сомневался – узнает меня или нет?

Я вернулась за руль. Возможно, кудрявый – приятель Игоря. Возможно, именно этот парень и нашел тело. У Игоря не было машины, а однажды он сказал, что на работу его возит приятель.

Мне показалось, что кудрявый парень хочет подойти ко мне, а это означало, что надо уезжать.

8 июня, немного позже

Дома я первым делом встала под душ. После душа нашла в сумке сигареты и присела на табуретку в кухне.

Запах сигаретного дыма вызывал легкую тошноту, но это было даже хорошо, потому что никаких других ощущений, доказывающих, что я жива, не наблюдалось.

Где-то далеко, хотя, нет, не далеко, а просто внутри моей сумки, зазвонил телефон. Я не пошевелилась. Телефон смолк, от наступившей тишины заложило уши.

Я не успела затянуться сигаретой, как телефон задребезжал снова. Пришлось достать его. Номер был незнакомый.

– Алло...

– Ну, здравствуйте! – пропищал удивительно противный женский голос. – Я уже в Гродине, в аэропорту, но меня никто не встретил!

– Вы, наверное, ошиблись. Я вас не знаю.

– Нет, я не ошиблась. Это Марго Лэнс.

По мнению дамы, ее имя должно было волшебным образом восстанавливать память. Увы, не сегодня – решила я и отключила связь.

Затянувшись наконец-то сигаретным дымом, я произнесла про себя это имя: Марго Лэнс... И тут память ко мне вернулась!

– Марго! – Она ответила только после шестого гудка. Обиделась? На нее похоже. – Марго, я не знала, что вы приезжаете. Ник не просил меня встретить вас, поэтому простите...

– Так вы заберете меня отсюда? Я устала!

Всю дорогу до аэропорта я пыталась дозвониться Нику. Мне не хотелось с ним говорить, но что было делать с Мар-

го? Моя жизнь потеряла всякий смысл, я не знаю, как мне пережить смерть Игоря, а тут – Марго со своими капризами. Довезу ее до «Джаза», устрою в одном из пяти гостиничных номеров и уеду к себе. Невыносимо видеть людей, невозможно...

Год, а может, и полтора года назад я уже встречала эту женщину в этом аэропорту. По просьбе Ника. Он организовывал очередной джазовый фестиваль в своем ресторанном комплексе «Джаз», замотался вдрызг и попросил меня съездить в аэропорт за Марго Лэнс. Даже зная мой идеальный характер, Ник объяснил, что не стоит обращать внимания на приступы вспыльчивости и хамство джаз-дивы. «Хамство?» – удивилась я. Ник подтвердил. Он сказал, что Марго – это коктейль гения и злодейства, не надо удивляться. И чем ужаснее она ведет себя перед концертом, тем лучше пройдет ее выступление.

В прошлый раз Марго не удивила меня ни единой выходкой и – пожалуйста! – на сцене была вялой, тусклой и рассеянной. Зато в этот раз я могла гарантировать, что зрители ее выступление не разочарует. Еще до того, как Марго появилась в поле моего зрения, было ясно, что знаменитая джазовая певица пребывает в ярости. В маленьком зале гродинского аэропорта было довольнолюдно, и все попеременно поворачивали головы только в одну сторону – туда, откуда доносился писклявый голосок, выкрикивающий: «Почему у вас нет носильщиков? Что за дикость? Я же не могу тащить

багаж сама!»

Это, конечно, кошмарный штамп, но Марго Лэнс в западной прессе называли русской Эллой Фицджеральд. Лично мне, недалекой в плане музыки блондинке, казалось, что Марго невероятно похожа на Эдит Пиаф. Я имею в виду внешнее сходство. Хрупкая, маленькая, высоколобая, с наивным взглядом детских карих глаз и пышной темной шелюрой, она обладала волшебным качеством приковывать внимание к своей персоне. Если бы мне предложили угадать ее возраст, я бы даже не стала пробовать. Ее кожа была желтоватой, как пергамент, ровной, гладкой и абсолютно неживой. Казалось, она просто натянута на кости черепа, что убивало всякий намек на миловидность. Зато у Марго совершенно не было морщин, а ведь она ровесница Нику, которому уже перевалило за сорок пять.

В жизни ее голос звучал как скрип ржавых петель, а на сцене она виртуозно демонстрировала какой-то невероятный музыкальный и эмоциональный диапазон. Люди, побывавшие даже на неудачном концерте Марго Лэнс, вроде прошлогоднего гродинского выступления на джаз-фестивале, навсегда запоминали и ее голос, и ее лицо.

Я читала несколько интервью Марго. Первые уроки вокала Маргарита Мащенко брала у Людмилы Витальевны, матери Ника Сухарева. После школы Марго поступила в консерваторию, а после консерватории – уехала за границу. Сначала – в Германию, а затем – в США. Довольно долго ей прихо-

дилось выступать в дешевых шоу-программах, и только лет через десять ее, наконец, заметили. Точнее сказать, ее заметил только один человек, но очень важный. Джордж Лэнс, владелец студии звукозаписи, продюсер и по совместительству очень обеспеченный человек. Он открыл талант Марго Лэнс. Только благодаря его поддержке, связям и деньгам звезда взошла на джазовый небосклон.

Несколько лет назад Джордж умер от рака, оставив Марго солидный капитал, который она уже умножила в несколько раз.

В Гродин Марго приезжала по приглашению старого приятеля, то есть Ника Сухарева. Это была чистая благотворительность с ее стороны, о чем она неустанно напоминала всем и каждому. Всем, кроме Ника. Ему одному она говорила, что безумно рада выступать в родном городе.

К своей машине чемоданы Марго я отнесла сама. Джаздиве совершенно не показалось, что для меня ее баулы тяжеловаты. Она едва поздоровалась со мной, заявив, что ей необходимо поскорее найти место для отдыха. Часовые пояса, я должна понимать...

Сев на заднее сиденье, Марго достала пудреницу и взялась поправлять едва заметный макияж. Выглядела дива очень просто: льняные брючки, трикотажный льняной джемперок, удобная обувь. Все – голубого цвета.

Я решила, что отвезу Марго в гостиницу «Джаза». В прошлый раз она жила у Витальевны, но сейчас я не могла встре-

титься со свекровью. Она бы почувствовала, что со мной что-то не так, начала бы задавать вопросы. А мне на них не ответить... Потом, все – потом.

– Так вы – Жанна, – пропищала Марго.

Сначала я даже не поняла, ко мне ли она обращается. Может, по телефону говорит?

– Ну?.. – Диве не нравилась моя неотзывчивость.

– Это вы мне?

– Ага.

– Нет, я не Жанна. Я встречала вас в прошлом году.

– Не помню.

Зачем-то я решила разъяснить:

– Жанна – любовница Ника, а я его бывшая жена.

– Понятно, – скрипнули с заднего сиденья. – Высокие отношения. Ну, у Ника вечно с бабами полная чаша.

– Полная чаша, – бездумно срифмовала я.

Марго, на удивление, меня не раздражала совершенно.

– И полная чаша тоже. Хотя он не бабник.

– А вы, наверное, с детства его знаете?

– Ага. С детства. Я у его матери вокалом занималась. – Голос Марго немного смягчился. – И Ник был моей первой любовью. Ревнуете?

– Конечно, – легко согласилась я. – Но думаю, Жанна больше бы расстроилась.

– А он вас ради этой Жанны кинул?

– Да.

Наш разговор был похож на игру в пинг-понг. С заднего сиденья – на переднее – и обратно. Без эмоций, без накала.

– Меня, если честно, он тоже бросил. Если бы не бросил – никогда бы не поехала поступать в консерваторию. Ни за что. И если бы сейчас он меня попросил с ним остаться – осталась бы без разговоров. Вы хоть поняли, как вам повезло, что он вас любил?

Я не смогла отбить подачу. Марго выиграла.

8 июня, день

– Странное дело, тридцать лет прошло с тех пор, как у нас с Ником была любовь. Тридцать лет! Даже уже не страшно. И все эти тридцать лет всех своих мужчин я сравниваю только с ним. И ни один не был лучше его. Ни один! Что в нем такое было?.. А что сейчас? Не знаю. В шестнадцать лет он был высоким, худющим, нагловатым пацаном. Самым умным пытался выглядеть. Я так и думала – ха-ха, – что он самый умный! Мы учились в одном классе, я ходила в музыкальную школу, начинала петь. В девятом классе мама отвела меня к Людмиле Витальевне. У нее была какая-то особая техника, из-за ее распевок мой голос так открылся, что стало ясно – мне придется петь всю свою биографию. Мы много занимались, каждый вечер по четыре часа. После занятий Ник провожал меня домой. Хоть он и выпендривался, но на удивление у нас с ним много общего оказалось. Он музыку любил, я – тоже. Он считал себя лучше всех, и я такая бы-

ла. В то время Ник со своими приятелями организовал рок-группу, а я стала у них вокалисткой, хотя мальчишкам это не очень нравилось. Ну, типа, рок – это только мужской вокал. Нам было по шестнадцать. Ника, как и всех пацанов в этом возрасте, больше всего интересовало, что у девочек под юбками. А я хотела быть самой взрослой и делала вид, будто для меня поцелуйчики и обжимания – ерундовое дело. Он, вроде на спор, поцеловал меня, а я ему ответила. Господи, мы же подростками были, гормоны у нас на самом пике! С первого поцелуя я просто сдурела и уже через пару дней все ему разрешила. Это случилось за пять минут до прихода Витальевны, у нее на рояле. Еле одеться успели. Первый секс, если он для двоих первый, всегда смешной. Но это потом смеешься, через тридцать лет, а тогда – отчего-то очень сильно плачешь. Витальевна мне – ты чего? А я – голова болит. Она меня отпустила. Ник провожать не вышел, он тоже в шоке был. Ой, я даже покраснела! Сто лет это не вспоминала. И зачем сейчас рассказываю... Вам слушать интересно?

– Так себе, – ответила я очень тихо, потому что горло сжимал спазм. Ее история была мне совершенно нехотать. В моей жизни было всего двое мужчин – Ник и Игорь. Игорь теперь мертв, а Ник – навсегда потерян.

– Ну и ладно. – Марго скрипуче рассмеялась. – А мне интересно рассказывать. К тому же делать в дороге нечего... Мы с Ником встретились на следующий вечер. После занятий он пошел меня домой провожать, ну, как обычно. Дошли

до моего дома, вошли в подъезд. У нас тихий такой подъезд был, одни бабульки там жили. Летом они еще на лавочках сидели, а зимой, как раз как тогда, дома были, каждая у своего телевизора. За всю дорогу мы друг другу ни слова не ска-зали, а когда вошли в подъезд, Ник мне и говорит: «Прости меня, я поступил как скотина». Он думал, что я обиделась! Глупый такой...

Я грустно улыбнулась. Передо мной Ник тоже извинялся.
– ...Смотрит на меня так печально, а я обрадовалась и на шею ему – скок! И там же случился наш второй раз... А потом мы нашли укромное место – на чердаке дома, в котором я жила. Ник сумел ключ к висячему замку подобрать. И тогда наступило дикое счастье! Любовь это была безумная, сумасшествие полное! Больше года это длилось. Для подростков – очень долго. Может, Ник и хотел бы с какой-нибудь другой девчонкой закрутить, но я вцепилась в него когтями и зубами. Только я точно знаю, что он тоже меня любил. При-чем с ним это позже произошло, чем со мной. Мы уже долго встречались, началось лето, и я поехала с родителями на море, в Сочи. Вернулась, сразу же ему позвонила, и мы догово-рились встретиться на чердаке. И он пришел с огромным бу-кетом цветов. Первый раз он мне цветы дарил! А вам дарил?
– Да.

– Он сказал, что соскучился. И после этого стал за мной по-настоящему ухаживать. И очень любил меня слушать. Я для него пела. Только для него. Но именно это нашу любовь

и убило. Мое пение. Еще почти год прошел, и мои родители решили меня в консерваторию, в Москву, отправить. Для меня это был ужас. Я хотела остаться с Ником. Но он не мог никуда ехать – боялся мать оставить. Она пить начала тогда. А в марте я забеременела. Мы влипли. Матери я призналась чуть ли не сразу. Я решила так: раз у меня будет ребенок, то от Ника меня никто не оторвет. О том, что мать решит отправить меня на аборт, я даже подумать не могла. Мы с ней поругались, я побежала к Нику домой, все выложила Витальевне. Сам Ник уже знал о ребенке. Витальевна грустно так сказала, что не берется решать такие задачи, ей бы со своей жизнью справиться. И вышла. Я смотрю на Ника, а он – плачет! Что ты плачешь? – говорю. Он отвечает, что не хочет, чтобы я аборт делала, это опасно для жизни. Но говорит, надо. Не надо! – кричу я. А он плачет и говорит, что надо, что я талант, каких мало, что нельзя от этого отказываться. И я решила, что он меня предал. Врезала ему по морде и ушла. После аборта мне снова надо было заниматься, и мать меня насильно к Витальевне притащила. Ник из своей комнаты в моем присутствии больше не высывался. С тех пор меня папа с занятий забирал... а летом я уехала в консерваторию. Вот так все и закончилось. В принципе хорошо закончилось, только рояль жалко.

– А что с роялем?

– Я его сожгла. В мае, перед самым концом учебы, я увидела Ника с одной девочкой. В тот же день пришла к Вита-

льевне, а она с перепоею, заниматься не может. Витальевна попросила подождать и вышла в ванную. Я пошла на кухню воды попить, увидела спички. Вернулась в комнату и подожгла рояль. Он был старинный, 1913 года, немецкий. Фирму забыла. Великолепно звучал. И так же великолепно горел. На дым из своей комнаты выскочил Ник. А когда Витальевна появилась, он ей сказал, что поджег рояль, чтобы я больше к ним не ходила.

9 июня, утро

Следующий после встречи Марго день был туманным. Я проснулась около восьми, сварила кофе и долго плакала над чашкой и пачкой сигарет, сидя на балконе.

Ник все не объявлялся. Собравшись с мыслями, мне удалось вспомнить, что он повез Митьку на море, в летний лагерь. Это было довольно длительное мероприятие. Ему надо было добраться до Геленджика, где проживает родная сестра Витальевны, день провести с ней и Митькой, на следующий день определить Митьку в лагерь, снова переночевать у тетки и утром выезжать домой. Получается, приедет он сегодня поздно вечером.

Мне удалось разобраться и с вопросом, почему Марго никто не встретил в аэропорту. Оказывается, Ник пригласил ее приехать десятого, встретить ее должна была Жанна. Но Марго решила, что желает пообщаться с друзьями, и прилетела в Гродин раньше. Телефон Жанны она записала на

бумажечке и потеряла, а мой у нее в аппарате сохранился с прошлого приезда. Причем вместо моего имени было введено имя города – Гродин. Марго и решила, что Жанна и я – одно и то же.

В двенадцать позвонила Марго. Она желала съездить к Витальевне и еще в пару мест. Можно было бы и отказать диве, но я не стала этого делать. Мне надо было чем-то заниматься, чтобы не выть круглые сутки.

У Марго было мерзкое настроение. Ей не нравились туман, гродинские дороги, мое молчание, отсутствие в магазинах привычных для нее продуктов. Она шипела, ругалась и бубнила под нос все время, пока находилась в машине.

Я отвезла ее к моей свекрови, но подниматься в квартиру не стала. Более того, попросила Марго не говорить Витальевне, что это я ее привезла. Потом мы снова поехали по магазинам, а к половине четвертого Марго объявила, что она смертельно устала и хочет баиньки. Я отвезла ее в гостиницу и отправилась обедать в «Центральный».

Можно было бы просто купить сосиску в тесте и съесть ее в машине, но я не хотела оставаться одна. Кроме того, надо было сделать доброе дело: рассказать Сидорычу о приезде его дочери. Они не общались уже много лет. Дочь на что-то была обижена, отец делал вид, будто ее обида для него ничего не значит.

«Центральный» был пафосным заведением: колонны, лепнина, люстры, белые скатерти, официантки в черных пла-

тых с крахмальными передниками.

В этом месте я, одетая в джинсы и ветровку, смотрелась странно. Зато как волшебным образом стали меня обслуживать, когда к моему столику присел хозяин ресторана Вадим Сидорович Мащенко, старший друг и наставник моего мужа. Думаю, что Сидорыч питал к Сухареву чувства скорее отеческие, нежели дружеские. После смерти своего друга – Саши Сухарева – он старался заботиться о его вдове и сыне.

С деланной небрежностью я упомянула о Марго Лэнс, о ее визите к Витальевне и общем состоянии духа. Сидорыч – железный отец – не менее делано сказал: «Понятно», ограничив тем самым рамки разговора.

– Как твой муж? – спросил Сидорыч, видимо решив перевести разговор в более приятное для себя русло.

– Нормально, повез Митьку в летний лагерь.

– Как его головные боли?

– По-прежнему.

– Вот же бедняга, – посочувствовал он. Головные боли Ника стали притчей во языцех. – Надо бы ему обследоваться. Вот же сволочь, так избить человека!

– Кто сволочь? Это ведь последствия аварии.

Ник перевернулся на машине, его нашел Пряник, Андрей Пряничников, и с тех пор они дружат.

Сидорыч удивленно поднял брови:

– Нет, авария случилась лет десять назад, а у Ника головные боли еще до этого были. Он что же, не говорил тебе?

Эх, Ник, наверное, скрывал от тебя это, а я, старый болван, проболтался!

– Но кто его избил? Конкуренты?

Это я так пошутила. Основным конкурентом «Джаза» был «Центральный». Ник и Сидорыч частенько подкалывали друг друга на эту тему.

– Раз я уже проболтался... Он гордый, ни за что не признается, что кто-то его отделал. Ну, если что, скажешь Нику, что я растрезвонил... Там такая была история: Ника жестоко шантажировали после смерти его жены. Я всего не знаю, знаю только, что один парень решил на той истории нажиться. Ник ни в чем виноват не был, платить, само собой, отказался, и тогда его сильно избили и пообещали расправиться с Митькой. После этого он согласился платить. Я тогда денег ему и занял.

Я не стала признаваться другу моего мужа, что узнала подробности смерти Оксаны Сухаревой всего три дня назад. Проклятая история! Она принесла много неприятностей, в том числе и мне лично. В некоторой степени именно из-за смерти Оксаны Ник бросил меня несколько лет назад.

– Кто-то решил, что Ник убил свою жену?

Сидорыч усмехнулся:

– Да нет! Я же говорю, его шантажировать особо нечем было. Хотя я бы его жену убил. С удовольствием.

Если бы я попросила Сидорыча переменить тему разговора, мне пришлось бы объясняться, а на это сил не было.

К тому же Сидорычу, похоже, было совершенно нечем занять себя. Он поудобнее устроился на венском стуле, велел девушке в передничке подать бутылку сухого красного вина и завел разговор, который был мне как мертвому припарка.

Сидорыч рассказал, что Оксана работала в фирме Ника бухгалтером. Фирма называлась «Сухаревские булочки», что вначале всех весьма забавляло. Друзья советовали Нику свою черствую фамилию держать от сдобы подальше. Тем не менее пекарни и хлебные ларьки Сухарева процветали.

От себя замечу, что и сама помню повальный бум на выпечку Сухарева. Каждое утро, в восемь часов утра по московскому времени, к двенадцати торговым точкам, украшенным фирменным логотипом «Сухаревские булочки», подъезжал нарядный пикап, откуда выгружались поддоны с загорелыми в печи хлебобулочными изделиями. И в восемь ноль-ноль у каждого «сухаревского» ларька около десятка обожателей утреннего чая с ватрушкой ожидали свежего хлеба. Следом за ними подходили и другие. К вечеру на поддонах оставались только сладкие крошки, которые добрые продавщицы высыпали воробьям...

Прибыль от этого сдобного бизнеса росла как на дрожжах. Оксане, бедняжке, приходилось по ночам сидеть, чтобы подсчитывать доходы. Шеф, само собой, результатами подсчетов живо интересовался. Интерес его распространился и на счетчицу.

Сидорыч припоминал, что она была хорошенькой девуш-

кой, уверенной в себе и отлично понимавшей, что ей будет за связь с неженатым шефом. Через три месяца свиданий Оксана вошла в кабинет Сухарева с просьбой отпустить ее завтра на целый день, потому что ей надо на аборт. Сухарев, правильно расставивший точки над «і», оторопел и ответил, что спешить не надо, а ситуация требует осмысления. Оксана между тем не увидела его стоящим перед ней на колене с бриллиантовым обручальным кольцом в руке. Поэтому на следующий день Ник познакомился с Зюзей. Точнее, Зинаидой Петровной, которая получит свое прозвище из уст внука уже через полтора года. Будущая теща и кошмар моей жизни всегда профессионально играла на публику. Она закатила такой прилюдный скандал, что из офиса сбежали даже охранники. Честно говоря, Нику стоило уже тогда подумать о своей будущей семейной жизни.

Дальше о жизни четы Сухаревых я узнала следующее. Когда Митьке исполнилось года три, Оксана стала вести образ жизни прямо-таки светский. Для Митьки завели няню.

Учитывая, что «Центральный» в конце девяностых был самым популярным местом отдыха для обеспеченных граждан города Гродина, Сидорыч наблюдал за жизнью жены своего младшего друга воочию. Он видел, с кем приезжала Оксана, с кем уезжала и как себя вела. И наблюдения убеждали владельца ресторана в том, что семейная жизнь Ника Сухарева не задалась.

– Только представь, – восклицал Сидорыч, – у них тут

компания: первая проститутка Гродина Светка Гурина, заслуженная шлюха всей области Марьяна, еще штуки три таких же и – Оксана Сухарева! Мужики к их столику так и липли. Часиков за двенадцать они отчаливают по очереди, каждая со своим кавалером. А на следующий день рассказывают друг другу, что у них с этими кавалерами было да что они за это получили. Я как-то Оксанке и говорю: ты бы лучше пошла домой да мужу борщ сварила, чем сидеть тут со всякими... А она так кокетливо: ой, ну мы тут с девочками просто сидим, ничего плохого не делаем. Дескать, что муж? Муж работает круглые сутки, его нет никогда, так что же ей, дома сидеть? Мне это противно было, и тогда я грех на душу взял: специально поехал к Нику, в его офис, и рассказал ему о подвигах жены.

– А он что? – довольно рассеянно поинтересовалась я. Поступок Сидорыча мне не показался слишком чудовищным.

– Он... ты же знаешь его, он лишнего не скажет. Особенно если дело его чувств касается. Но не только я ему о поведении жены рассказывал, были и еще правдолюбые. Ник молчал, но я знаю, что сильно его слава жены раздражала. Ты еще вина хочешь?

10 июня, позднее утро

– Я ничего не понимаю, – повторял Пряник каждые пять минут.

С того момента, как я нашла мертвого Игоря, прошло

больше двух суток.

За окном расцветал солнечный июньский денек, пели птицы, веселый ветерок трепал ветви каштанов, а мы с Андреем Пряничниковым сидели раздавленные и озадаченные в его кабинете, расположенном на третьем этаже развлекательного центра «Джаз».

Андрей вздыхал, тер покрасневшие глаза, обреченно ронял руки. Сидел на крае стула, потом подсакивал, будто вспоминал нечто очень важное, то, что нужно сделать сию секунду, и снова падал в свое кресло. Он искренне страдал.

«Он искренне страдал, даже если сам застрелил свою жену и моего любовника», – поправила я себя.

...Пряник был управляющим ночным клубом «Драйв», который располагался в цокольном этаже «Джаза». Юридически клубом владел Ник, но заниматься им он не желал. Даже не вмешивался в дела Пряника, хотя весь город знал, что в «Драйве» всегда можно прикупить волшебных таблеточек и познакомиться с девушками, готовыми на любые услуги за определенную плату.

Думаю, Пряник позволял твориться в своем клубе таким делам, ибо имел от них свой гешефт.

Игорь Ермолов, кстати говоря, был системным администратором в «Джазе». Это я устроила на работу к своему мужу своего любовника. Звучит все это крайне цинично, только в действительности все не так, как на самом деле. Мы с Ником были уже чужими друг другу людьми. Согласно оче-

редному договору из серии наших договоров с мужем, я была лишь гувернанткой Митьки Сухарева, а он был мне работодателем. Срок договора должен был истечь через пару лет, как только Митька поступит в вуз.

Но я не о том. Игорь и Пряник тоже были знакомы, так как в ведении системного администратора «Джаза» находились и компьютеры в бухгалтерии «Драйва». Само собой, Андрей Пряничников о моих отношениях с Ермоловым и не подозревал.

К Прянику я приехала под благовидным предлогом выразить соболезнования по поводу смерти его жены. Я и вправду выразила соболезнования, и довольно искренне, – Кристину я хорошо знала и даже в какой-то мере дружила с ней.

Но истинные причины моего визита таились в другом. До сегодняшнего утра я как-то мало и плохо соображала. Игоря больше нет, а почему – не так уж и важно. Все изменилось вчера, часов около трех ночи: ощутив страшную жажду, я поплелась на кухню. Налила в стакан воды и вдруг, без всякой связи с жаждой и водой, поняла: Игорь не мог покончить с собой.

Такой вывод привел к другому простейшему умозаключению, осознание которого просто потрясало: если он не убил себя сам, значит, его убили.

В квартире Игоря до моего прихода побывал кто-то третий. То есть если считать Кристину, то кто-то четвертый. Он пришел, выстрелил в одного, в другого, вложил револьвер

в руку Игоря и ушел. Этот человек хотел, чтобы подумали, будто Игорь совершил убийство и самоубийство. Почти хитро, если рассчитывать на тех, кто не знал Игоря так, как я.

Кто сделал это? Мне казалось, что если я хорошенько подумаю, то догадаюсь. Я была ближе всех к нему в последний год его жизни. Я любила его, я чувствовала его, понимала и ощущала каждый его взгляд, каждое настроение.

Ничто в его жизни даже не намекало на возможность каких-либо происшествий. Мы были счастливы. Я ехала к любимому человеку, чтобы мы начали жить вместе. И вдруг я вижу в доме Игоря двоих неожиданных гостей – Кристину и смерть. Уж не Кристина ли привела смерть с собой?

Припомнилась мне и одна история, случившаяся всего неделю назад. У Игоря была двоюродная сестра-подросток, девочка разболтанная и избалованная, большая любительница танцполов и вечеринок в клубах. Она много раз влипала в разные неприятные истории, а недавно Игорь обнаружил ее с приятельницами в туалете «Драйва». Искать девчонку в таких местах было не впервой. И не впервой Игорь находил свою юную родственницу обколотой, обкуренной, с карманами полными каких-то таблеток. Но на этот раз он не только отправил девчонок по домам, но и не поленился подняться в кабинет к Прянику и врезать ему в челюсть за все хорошее, что творится в «Драйве».

Не могу даже представить, как могло бы так случиться, но (чисто теоретически!) присутствие раздетой жены в квар-

тире парня, который недавно оставил здоровенный болючий фингал на вашем лице, может и взбесить. Прянику проще, чем кому бы то другому, было взять револьвер у Ника – они приятели. Ну, просто попросил побаловаться, пострелять в тире. Внешне все сходилось.

Я не знала, как выяснить правду, но с первого взгляда становилось ясно, что Пряник находится в глубоком шоке от неожиданного и кошмарного по своей силе удара. Он был сбит с ног горем и шокирован обстоятельствами смерти Кристины.

Галстук Пряника валялся на полу – видимо, он сорвал его с шеи. Костюм был измят, а от Андрея доносился легкий, но стойкий запах немытого тела.

Сбивчиво и сумбурно он рассказал мне, что следователь позвонил ему ранним утром восьмого числа и сообщил о смерти Кристины Пряничниковой. Пряник сам приехал в отделение милиции прямо из клуба, потом отправился в морг опознавать тело жены. В морге он рухнул в обморок. Потом его долго, очень долго допрашивали. После этого целые сутки он – как и я! – пытался понять, что случилось и как теперь жить дальше. Сейчас Андрей был на грани нервного срыва.

Вообще-то он был крепкий мужик, широкий в плечах, с толстой шеей, по-своему, грутально симпатичный, если вам импонирует тип братка.

– И я понять не могу – что же случилось на самом деле.

Следователь сказал, что есть две версии. Первая – двойное самоубийство. – Последние два слова Пряник произнес почти по слогам. Ему были непонятны оба этих слова по отдельности, а в словосочетании – тем более. – Вроде бы Кристина и этот сивый козел...

«Застрелились», – закончила я его фразу мысленно.

Пряник опять заговорил:

– Я ничего не понимаю, не понимаю... Следователь меня еще и пугать начал. Говорит, что я – тоже под подозрением! И вроде целых две у меня было причины: я ревновал Кристину, и этот парень, он же у нас работал, узнал, что у меня в клубе наркотиками торгуют. Его сестра обкурилась, а я, типа, виноват. И мне следователь заявил: вы боялись, что Ермолов обратится в наркоконтроль. Но я ж ему не объясню, что наркоконтроля мне бояться нечего. Я с ихним шефом, Колбовицким Антоном Васильевичем, каждую субботу в нашей сауне откисаю. Чего ж мне Ермолова убивать? Да захотел бы убить – еще тогда, когда он мне в рыло въехал, позвал бы своих пацанов. Они б его вывезли за город...

Тут Пряник вспомнил, с кем разговаривает, и примолк. Хлюпнув носом, он вдруг сказал:

– Вот с тобой бы такого никогда не случилось. Как же Нику повезло, что он нашел такую порядочную женщину...

– Андрей, а как они с собой покончили? – перебила я его излияния. Со мной-то как раз все и произошло! Но важнее другое – как «смит-и-вессон» Ника попал к Игорю.

– Тут тоже ничего не понятно, – грустно сказал Андрей. – Они застрелились из револьвера Ника. Я ему подарил этот револьвер. Ник его прятал от Митьки и старался лишний раз не показывать никому.

– И ты следователю о револьвере ничего не рассказал?

– Нет, зачем? – Глаза у Пряника были черные и плоские. В них читалась неприкрытая обида на судьбу. – Ты же не думаешь, что Ник дал Ермолову свой револьвер или сам пришел их застрелить?

– А Кристина о револьвере Ника знала?

– Да, она ж мне и посоветовала сделать Нику такой подарок. Она любила всякие такие игрушки... Драйв, риск. Ох! И как я мог ее в тот вечер из дома выпустить! Мы поругались, и она уехала. Но не на своей машине, ее машина и сейчас у подъезда стоит. Смотрю – и плакать хочется! Наверное, он за ней приехал.

– У Игоря не было машины...

Я ляпнула это нечаянно, но Пряник ничего не заметил. Он тупо посмотрел на меня и закрыл лицо ладонями. Здесь мне больше делать было нечего.

10 июня, день

После разговора с Пряником я не могла отделаться от мыслей о Кристине.

С самого начала я и в голову не брала, что Пряничникова могла оказаться в доме Игоря не случайно. Да ее могли про-

сто притащить в его квартиру, уже убитую, к примеру. Между ними ничего не было и не могло быть. Поэтому и оставалась загадка: как голая Кристина попала в квартиру Игоря?

Андрей Пряничников женился на Кристине восемь лет назад. Они познакомились в одном из ночных клубов Гродина. «Драйва», как и всего «Джаза», еще не существовало. Андрей увез ее к себе на ночь, и с той же ночи она у него и осталась. Поженились они чуть ли не через неделю. У Андрея всегда было много женщин, но, встретив Кристину, он успокоился. Мне Пряник интимно рассказывал, что его жена – самая красивая и самая сексуальная женщина из всех, которые у него когда-либо были. Он любил грудастых блондинок, Кристина была блондинкой с выдающимся бюстом. Он избегал женщин выше его ростом, Кристина едва доставала ему до плеча. Ему нравились девушки строптивые и непокорные, ну а в этом Кристине вообще равных не было!

Семейная жизнь четы Пряничниковых не была безоблачной. Могу даже признать: они были самой темпераментной парой, которую я когда-либо видела. Скандал мог разгореться из-за цвета ногтей Кристинки, из-за мелодии звонка на мобильнике Пряника, из-за любого взгляда, брошенного Кристиной на любого мужчину в окружающем пространстве...

Поражало, что они никогда не мирились. Поорут-поорут – и снова улыбаются друг другу. Кристина – широко, демонстрируя отбеленные у стоматолога, но чуть кривоватые зубы,

Пряник – не разжимая губ, изображая доброго крокодила. Кристина показывала мне синяки от кулаков мужа и тут же красные пятнышки, именуемые в просторечии засосами, от его же поцелуев.

Хотите знать, почему они ссорились? Кристина гуляла на пропалую. Мужчины, мальчики, парни, старикашки... Любой годился.

Внешне Кристина была очень яркой: стройная блондинка с пухлыми губами и огромными миндалевидными карими глазами. Ума и образования она не нажила, но способна была вразумительно поддержать разговор на любую тему, будь то цены на нефть или новая выходка Бритни Спирс. Умела промолчать, если совсем не понимала, о чем речь. Легко знакомилась, легко прощалась. Была крайне категорична, а точку зрения меняла в одну секунду. Вчера она любила суши, а сегодня – терпеть не могла. Сегодня Пряник был хороший, а завтра – плохой. Утром она познакомилась с Мужчиной всей ее жизни, а к обеду – он ничтожество и урод.

Мы с ней были абсолютно разные, но последние годы общались постоянно. Моя жизнь в мире мужа не была ни слишком хорошей, ни слишком плохой. Самое печальное, что со мной случилось за это время, – я растеряла всех своих близких. Если с мамой мои отношения и раньше не были слишком теплыми, то теперь мы говорили с ней только на одну тему: чем я могу ей помочь и сколько это будет мне стоить.

Сестры в число милых сердцу друзей никогда и не вхо-

дили. Слишком большая разница в возрасте, слишком разное отношение ко мне и к ним со стороны родителей. Сейчас Марина и Лена были студентками. Мое замужество они приняли весело и равнодушно. Им нравилось, что теперь я приезжаю к ним на красивой машине, покупаю тряпки, дарю шикарные, вроде ноутбуков или парфюмерных наборов, подарки. Еще их интересовало, могу ли я организовывать бесплатный отдых в ночном клубе «Драйв» для них и их многочисленной компании. Я могла.

Подруги сразу же разделились на тех, кто в голос заявил, что я вышла замуж за деньги, и тех, кто этот несомненный факт старался использовать. Вторые доставали звонками, пытаясь занять денег или устроить на работу в «Джаз» кого-нибудь из своих. Первые прервали общение, либо никак не объясняя этого, либо комментируя, что я стала «не такая».

Однажды я даже услышала такое: «Деньги тебе не идут». Вроде как не к лицу и не смогу я ими распорядиться по уму. Надо признать, что мнение это было не слишком ошибочным.

У меня оставалась только Кристина. Она относилась ко мне дружелюбно и немного покровительственно. Я была для нее Золушкой на балу, наивной и не посвященной в мир модных соблазнов. Иногда я оставляла Митьку в покое, и тогда мы с Кристиной отправлялись по магазинам, в кафе, просто погулять. По-своему это было неплохо и весело...

Портили наши приятные отношения только ее закидоны. Из-за этих закидонов мы ссорились постоянно.

К примеру, ее воровство. Пряник, помимо того что заведовал клубом, который принадлежал Нику Сухареву, был владельцем супермаркета. Супермаркетом он занимался мало, ему было скучно. Зато в его магазин с удовольствием ходила мадам Пряник. Кристина развлекалась тем, что воровала в этом супермаркете всякую мелочь. Сотрудники, в том числе и охранники, в магазине менялись достаточно часто, так что запомнить ее, чтобы больше не пускать, было некому. Кроме того, воровка чудесно знала, куда именно направлены камеры наблюдения в торговом зале. Она приезжала на своей очередной красивой новой тачке, входила в магазин и тырила (это ее собственное выражение), распахивая жвачки, конфеты и прочую мелочь по карманам своей дорогой дубленки. Ей плевать было на то, что продавцы и администраторы зала несут материальную ответственность за товар.

Любила Пряничникова развлекаться и другими способами. Однажды она угнала машину своего очередного бойфренда. Парочка веселилась в конкурирующих «Джазу» заведениях, выпила предостаточно, и Кристине понадобилось в туалет. По дороге она прихватила ключи от «вольво» своего приятеля и прямо из туалета уехала кататься. Зачем ей это понадобилось – осталось неизвестным. Пьяна Пряничникова была в стельку, поэтому докатилась она только до третьего перекрестка, где и въехала в зад остановившемуся на крас-

ный свет джипу.

Потом были разборки: с бойфрендом – по поводу разбитой «вольво», с владельцем джипа – из-за случившегося с джипом, ну и, сами понимаете, с Пряником. Любовница Сухарева, адвокат, защищала Кристину в суде. В итоге Пряничникову на год лишили прав, дали такой же срок условного наказания, а ее благоверный заплатил за ремонт и «вольво», и джипа.

Она рассказывала мне о своих приключениях восторженно, будто девчонка, которая не понимает, что творит. Видите ли, ее это заводило. Адреналин, если вы знаете, о чем я...

Как бывшая учительница, я просто не могла заткнуться и не начать воспитывать объект. Я говорила ей, что так нельзя, это нехорошо. Упреков Кристина не выносила, моментально превращалась в злобную стерву. В ответ она начинала говорить мне гадости, называя училкой, занудой, тряпкой и фригидной по жизни забубенной козой. Обычно к этому моменту я уже стояла в дверях. Моя мама всегда говорила, что отвечать на грубость грубостью – значит опускаться до уровня собеседника. Поступая так, как учила мама, я, собственно, подтверждала свое занудство. На самом деле Кристина была просто ребенком, которого уже не перевоспитать.

Спустя пару дней она звонила мне, говорила, что она плохая и просит прощения. Я легко прощала ее.

Кристинино легкомыслие было настолько заразительно, что я даже нуждалась в ней. Пусть вынужденно, но я почти

полюбила Кристину, как любят людей, которые постоянно и неуклонно втягивают вас в свои проблемы, а все их проблемы, по вашему разумению, чистый цирк. Вам нетрудно помогать таким людям, вам приятна их благодарность, вы уже скучаете без регулярного «Ты представляешь?!». К тому же Кристина отвлекала меня от гнетущей тоски моего бессмысленного существования, от склок с Зюзей и забот о Митьке. И от презрительного, всегда презрительного и всезнающего взгляда этого труса Ника.

Но напоследок, всего за пару недель до ее смерти, мы поссорились, и довольно серьезно. А помириться не успели. От этого на душе было особенно тяжело.

Инцидент случился в «Джазе». Мы пили кофе с коньяком, курили и болтали о тряпках и мужиках. Забавно было это признавать, но за столиком ресторана «Джаз» Кристина и я смотрелись естественно – две молодые успешные женщины. Внешне – чуть ли не сестры: стройные блондинки почти одного роста.

Часов около девяти вечера к столику подошел Пряник.

– Привет, блондинки! – Он игриво помахал толстой ручищей, стараясь не поворачиваться к нам правой стороной своего упитанного тела.

– Привет, плейбой! – ответили мы хором, провожая взглядом его коренастую фигуру, удалявшуюся в сторону коридора.

Я заметила увертки Пряничникова и без труда обнаружи-

ла их причину: правый глаз Пряника украшал фиолетовый, а значит, достаточно свежий синяк.

Я повернулась к Кристине:

– Что за фингал на морде Пряника?

Кажется, я и без нее знала ответ, просто интересна была официальная версия.

– А я не знаю. Он мне не докладывал, – спокойно ответила Кристинка, любуясь свеженаращенными ногтями. Гель был украшен алыми цветами и искрился золотым песочком. Ей хотелось позлить меня. – Вчера в «Джазе» кое-что произошло. Мальчики притащили «десерт». Знаешь, что это такое?

Она с вызовом смотрела на меня, и я повелась на провокацию:

– Кристина, это же наркотик. Ты не знала? Это опасно, понимаешь?

Кристина хмыкнула:

– А что ты меня поучаешь? Ты такая правильная, хорошая, как я посмотрю!

– Ин, я не поучаю...

Но подруга уже не могла остановиться:

– Да что ты о себе возомнила? Воспитываешь всех, думаешь, ты самая правильная?

– Кристина, при чем тут моя правильность...

– Да никакого права ты не имеешь меня осуждать. На себя посмотри. И вообще, ты тут никто, и Сухареву ты не жена!..

Я обомлела. Мадам Пряник нарушила негласное табу на

обсуждение моей семейной жизни. Мне не удалось скрыть от нее, что с самого начала мой брак с Сухаревым был ненастоящим, но она ни разу не позволила себе упомянуть об этом. Я ценила ее тактичность, добавляя в краткий список добродетелей Пряничниковой еще один пункт.

Не надо было, но я взбесилась.

– Иди к черту, тупая шлюха! – прошипела я, брызгая слюной, и выскочила из ресторана вон.

Эту последнюю, самую глупую ссору я вспоминала с тоской.

11 июня, полдень

Через четыре дня после смерти Игоря я снова стояла в комнате, в которой прошли самые радостные часы моей жизни.

О похоронах я узнала в «Джазе», просто позвонила туда, якобы заказать еду, попала на знакомого администратора Леночку, и она сама мне все рассказала.

Скрывать теперь мне ничего не надо было, поэтому я пришла. Хотела увидеть его еще раз.

Игорь был тут же. В гробу. Чужое, опрокинутое на белой подушке лицо. Это лицо не выражало ничего, а я вспомнила, как смеялся он на остановке в тот летний день, какими теплыми были его губы...

Нестерпимо захотелось кричать. Я подавила спазм в горле и стала пробираться сквозь толпу людей куда-нибудь по-

дальше от безмятежного чужого лица.

Почему-то оказалась на балконе. Там уже стояли, перекуривая, трое парней, видимо его друзья. Они посторонились, пропустив меня к перилам. Один из них, крепенький живчик с густыми каштановыми волосами, так уставился на меня, что, если бы были силы, я бы послала его куда подальше.

Несмотря на его взгляд, а может, и благодаря ему, я почувствовала, как полились слезы. Сами, без разрешения. Это было больно, но приносило облегчение.

– Простите меня... – услышала я голос над плечом. Обернулась и увидела живчика. – Меня зовут Олег, я друг Игоря. Я вас узнал. Вы – та самая девушка, с которой он встречался весь год.

– Вы меня видели? – Я спросила это хриплым шепотом. Голос пропал.

– Нет, только ваше фото на мобильнике. – У парня была забавная манера – убедительности ради поднимать черные густые брови. – Игорь показывал вашу фотографию. И я, кажется, узнал вас утром того дня, когда он погиб. Вы были в его дворе?

Я вспомнила: точно, я тоже видела его у подъезда Игоря. Подумала: надо что-то объяснить, но так и не придумала, что именно. Голос кудрявого звучал у меня над ухом:

– Вам сейчас плохо, я понимаю. Но мне надо вам кое-что рассказать. Вы должны это знать. После всего я вам расскажу...

Голос стих.

Потом было кладбище. Яма. Мать Игоря, похожая на обездумевшую ведьму, с растрепанными волосами и растопыренными пальцами, которыми она пыталась расцарапать крышку гроба из лакированного дерева. Отец Игоря, одетый в иссиня-черный костюм и выглядевший тусклым, бледным и невзрачным в беспощадном свете дневного солнца. Его глаза слезились, хотя он не плакал, а кожа на лице, казалось, резко обвисла.

Влажная земля, засыпавшая яму с гробом. Лужи и комья грязи после ночного дождя.

На поминки мне не было смысла ехать. Я знала Игоря только с одной стороны. С кем я могла вспомнить о том, как он умел любить?

Люди грузились в автобусы, а я пошла к дороге ловить такси. Свою машину я оставила возле дома Игоря. Из-за слез не могла сесть за руль.

Каблуки проваливались в землю. Я устала.

Возле меня остановились серебристые «жигули». Я села в машину, не ожидая особого приглашения. За рулем был тот самый живчик.

– Вы как? – Он кинул на меня один осторожный взгляд, тактично стараясь не быть навязчивым. Машина тронулась. – Я должен вам рассказать кое-что, чтобы вы не мучились. Про то, что он себя убил и ту девушку, я ничего не понял. Не понимаю, представить не могу, почему он это сде-

лал. Тут какая-то загадка. Но я – о другом. Вы же думаете, что Игорь вас обманул... То есть что изменял вам, с другой гулял. Все не так, я сам видел, как все случилось. Та блондинка случайно к нам прилипла. В «Джазе». Это еще за день до всего было. Я ждал Игоря после работы. Она, блондинка эта, сидела за столом в арке, одна. Когда Игорь пришел, она подошла к нам и сразу к Игорю приставать стала. Назойливая девица. Он как-то так даже грубо говорит ей, что мы с другом одни посидеть хотим. Она тогда – ко мне. Странная такая, вроде не замечает, что ей не рады. Мы еще немного посидели и решили уходить. Она – за нами. Под руки пристроилась, вцепилась в него и в меня, и ничего мы сделать не могли. Влезла в машину, едет с нами. Спрашиваю, где вас высадить? А она – я с этим парнем поеду. Мы приехали к Игорю, он меня тоже к себе потащил. Видимо, не знал, что с этой сумасшедшей делать. Она в его квартире пробыла минут пятнадцать. Потом сама ушла. Мы решили, что она наводчица у домушников. Убедилась, что у Игоря взять нечего, – и отстала. Только потом я узнал, что она запасной ключ из квартиры украла. Я не знаю, зачем ей это все понадобилось. Только еще одно заметил. Когда она ушла, я вышел на балкон покурить. Смотрю вниз, а она садится у подъезда в машину. По-моему, это красный «опель» был. В смысле – красный точно, но марку я плохо рассмотрел. Темно было.

До этих слов я не думала ни о чем, просто слушала его, глотая слезы. А потом вдруг вспомнила: красный «опель»

был у Жанны Арнаутовой, адвоката и любовницы моего мужа.

Жанна убила Игоря и Кристину? Никакого смысла в этом нет.

Часть вторая. Свинг

За год до описываемых событий

Глава 1

Смерть Игоря завершила самый яркий отрезок моей жизни. После нашей встречи, после этого времени ничего уже не было как прежде.

С Игорем я познакомилась случайно. И – не случайно. Случайно, потому что заранее любовных встреч не искала. А не случайно, потому что как только увидела его – сделала все, чтобы быть с ним рядом.

Вот он: стоит на троллейбусной остановке с двумя друзьями и хохочет во все горло над какой-то их идиотской шуткой. Посмотрите на него! Ему смешно! От смеха у него ослабели колени, смеясь, он запрокидывает породистую голову, и заходящее за козырек остановки солнце целует его в лоб. Потом Игорь выпрямляется, устало мотает головой, утирает пальцами слезы с глаз и... снова начинает смеяться.

Позже я допрашивала Игоря – что так рассмешило его 7 апреля 2007 года, в 17.00 по московскому времени, когда он стоял на троллейбусной остановке «Площадь Менделеева»? Он этого не помнил. Вообще-то он даже не знал, что в тот

день случилась наша первая встреча. А откуда бы ему знать?

Я сидела в машине, постукивая пальцами по обтянутой змеиной кожей баранке, и не могла оторвать от него глаз. От Игоря, как я узнала два дня спустя.

Во рту был чуть заметный привкус зубоврачебного кабинета и новые коронки из металлокерамики. На остановке я притормозила, лишь случайно увидев, как смеется этот парень. Мой внутренний сканер, которым я не зря гордилась, определил абсолютно точно: это не похабный гогот тупого жеребца, это не идиотское ржание придурка. Это настоящий, бесшабашный, безудержный смех чистого душой человека. А то, что Игорь впоследствии оказался великолепным любовником, для меня имело намного меньше значения.

Три года я не слышала, как смеются такие люди...

Мы все постепенно научились смеяться так, как делал это мой муж: сдержанно, пряча в глазах презрение и усталость. И не надо думать, будто я не понимала, почему Ник так смеется, откуда у него такое отношение к людям, будто они все выродились, измельчали и не стоят ни доброго слова, ни искреннего смеха. Ник имел все основания для цинизма.

Когда Игорь перестал смеяться, я словно очнулась. Вспомнила о времени, об обязанностях.

Подъехал троллейбус, Игорь простился с приятелями, вскочил на заднюю площадку. Я завела свой «ниссан», чтобы ехать домой. А поехала следом за троллейбусом, похожим на сарай с колесами. Я терпеливо тормозила на каждой оста-

новке, боясь, что он спрыгнет с подножки, а я его упущу.

Понимала ли я, что делала? Кажется, да. Просто захотела того самого счастья, утерянного в десятилетнем возрасте и не вернувшегося в результате аферы с замужеством.

Длинноногий парень (Игорю было тридцать пять, но выглядел он неприлично юным) со светлым ежиком волос вышел на конечной остановке, в спальном панельном районе. Я припарковалась чуть дальше, возле супермаркета самообслуживания, едва не сворачивая шею в ужасе от одной только мысли, что потеряю его. Выскочила из машины, не глядя, кликнула сигнализацией, бросилась в проулок между девятиэтажками, этими скучными, жуткими девятиэтажками, где живут люди, которых Ник зовет плебсом и которым он приписывает разнообразные дешевые пороки, вроде лужгання семечек, инцеста и наследственной тупости.

Игорь вошел в дом номер 51/3 по улице 50 лет ВЛКСМ. Я нырнула следом. В подъезде пахло газом и мочой, а у лифта стоял он. Я подошла и стала рядом, делая вид, будто ожидаю этот гроыхающий лифт за исписанными матом дверями... Про мочу я уже упоминала.

Объект наблюдения оказался выше ростом, чем я предполагала. У него был красивый профиль, чуткие нервные ноздри, светлые, будто выгоревшие на солнце брови, смешливые тонкие морщинки в уголках глаз. Волосы, мягкие светлые волосы он стриг очень коротко, отчего обнажалась крепкая, схватившая загар шея. Уставившись на эту шею, я судорож-

но вздохнула.

В лифт я шагнула первой и тогда в первый раз услышала его голос:

– Вам куда?

Надо было отвечать, но куда мне? В пропасть?

– В пентхаус, – улыбнулась я, премьерно блеснув своей металлокерамикой.

Игорь улыбнулся в ответ и нажал шестой этаж. Я поняла, что он живет на шестом.

На шестом этаже я замешкалась, якобы ища нужную кнопку, но на самом деле высматривая дверь квартиры, в которую вошел Игорь. Дверь была дешевая, крашеный в серый цвет гладкий металл. Он отпер ее своим ключом.

После этого я три недели ходила вокруг Игоря, как акула, которая выбирает место и время атаки, почуяв в морской воде кровь. Завела привычку срываться из дома чуть свет, гнать до конечной шестого троллейбуса, останавливаться за поворотом и ждать появления Игоря. Я провожала его на работу, а вечером повторяла маршрут с конца, провожая его домой. Где он работал – я уже знала, кем он был – тоже. Игорь работал в администрации города, а был он моей мечтой.

С одной стороны, это было хорошо, потому что я совершенно перестала реагировать на выходки экс-тещи Ника, которая проживала в его доме и делала все возможное и невозможное, чтобы испортить мне жизнь. Однажды увидев Иго-

ря, я оказалась в ином измерении, и отрицательные эмоции Зюзи, которые раньше меня так задевали, неслись мимо. Она видела, что я не захожусь в ответ, и отставала.

Лишь только узнав, что на белом свете существует Игорь, я смогла забыть про боль, которая не оставляла меня уже больше года, я могла спокойно ходить мимо своего мужа, говорить с ним о его сыне и спать ночами, не прислушиваясь к его шагам в коридоре и скрипу двери его кабинета.

Кроме этих двух положительных моментов, хорошего в моей тайной влюбленности было мало. Я все забывала, везде опаздывала, говорила несуразицы. Вместо английского везла своего пасынка Митьку на тренировку в спортивную школу, забывала проверять его уроки, пропустила важное родительское собрание. Под конец еще и бездумно подставила мальчишку.

Митька, здоровый двенадцатилетний лоб, нашкодил в школе. На самом деле он и виноват-то не был. Просто дал списать домашнее задание по математике Эльвире Горской – девочке, которая ему нравилась. Математичка, которая упорно считала, что дурное поведение в классе – результат умственного убожества ребенка, не поверила, что сложную задачу Митька смог решить сам, и обвинила в списывании именно его. Эля, увы, в своем грехе не призналась.

Я точно знала, что мальчишку не за что наказывать. Математика давалась ему легко. Вот только убедить в этом учительницу, которая знала, что у Митьки богатый папа, мне не

удавалось. В нашем элитном лицее с углубленным изучением всего на свете проблемы решались просто: сунул учительнице конвертик – и полный порядок! То же самое должно было произойти и в этот раз.

Запись в дневнике Митька принес, естественно, мне. На нести визит в кабинет математики надо было в среду, ровно в восемнадцать часов, а я в это время снова оказалась не в школе, а на остановке «Площадь Менделеева». Как так получилось – не знаю, и нет мне оправдания. Поскольку училка, не обнаружив предков Димы Сухарева в назначенное время в положенном месте, с ожидаемым конвертиком, набрала номер нашего домашнего телефона и, негодуя, высказалась прямо в уши экс-тещи.

Когда я, дура, появилась на пороге, Митька уже стоял перед отцом. Взглянув на судорожно сцепленные за спиной пальцы мальчишки, я помертвела.

– Ты разболтался! – услышала я рык Сухарева. – Ты забыл о своих обязанностях!

Митька обернулся и увидел меня. Наши взгляды встретились. Мой – виноватый, лживый, ищущий оправдания и прощения, и его, взгляд юного человека, познавшего предательство.

Чуть позже я решила войти в детскую комнату, но там уже плотно обустроилась Зюзя. Увлеченно проповедуя добродетели, генетически не predetermined для пацанов, она неслась на педагогической волне мимо убитого Митьки,

тупо глядящего в учебник.

Митька впервые перестал разговаривать со мной, и я принимала наказание как должное. Все, что я могла сделать, – это выбрать удобное времечко и попытаться умаслить Ника на смягчение приговора. Но я была неловкой, не нашла нужных слов, жалко и невнятно просила. Ник скривил губы и сказал неумолимо:

– Если вы будете потакать ему, мы вырастим урода, а не нормального парня!

Именно тогда я решилась. Причем у меня даже был план!

Глава 2

Это было в мае, в чудесный дождливый вечер, когда молодая зелень пахнет свежо и пронзительно нежно. На мне были черный сарафан на тоненьких бретельках и босоножки, едва державшиеся на щиколотках. Согласно традиции, мой «ниссан» встретил Игоря возле администрации и проводил его до подъезда дома 51/3 по улице 50 лет ВЛКСМ.

Как только парень моей мечты вошел в подъезд, я быстро вышла из машины и побежала, спотыкаясь на высоченных, тонких, словно иглы, шпильках. Влетела в подъезд, мяукнула: «Подождите!», точнехонько всадила металлическое острие туфли в едва заметную щель между полом кабинки лифта и полом этажа и... оказалась на полу лифта. Трюк я провела с виртуозностью слонихи. Это было хорошо, поскольку выглядело натурально, и плохо, поскольку я на самом деле вывихнула лодыжку. От боли потемнело в глазах, перехватило дыхание, на лбу выступил пот.

Игорь помог мне подняться с пола и удерживал в объятиях – на одной ноге, учитывая высоту каблука, я стоять не могла.

– Ой-ой, – тихо сказал Игорь. – Ой-ой-ой! – повторил он. – Сейчас я вытащу туфлю.

Он ловко нагнулся, не роняя меня, и вытащил мой несчастный предмет обуви. Двери лифта сомкнулись, кабин-

ка двинулась вверх.

Игорь заботился обо мне:

– Где больно?

– Щиколотка...

– Дайте посмотрю!

Я вытерла пот со лба.

Он прикоснулся к моей ноге. Не буду врать, будто боль отступила и рай снизошел в мое сердце. Нет, болело зверски, но сквозь онемевшую пульсацию в раненой конечности я ощутила нежность этих дружеских и умелых рук.

– Это не перелом, – сказал он. – Просто растяжение. Надо приложить лед, потом обвязать эластичным бинтом и полежать, задрав ногу. Все будет хорошо.

– Очень больно... – прошептала я совсем искренне.

– Давайте я вас провожу. Куда вы едете?

Тут была задействована домашняя заготовка:

– Я по делу сюда приехала. Там совсем чужие люди. Неудобно...

– Ну, тогда давайте ко мне, – просто предложил он. Я возликовала. – От меня можно вызвать такси.

Помявшись и издав несколько жалобных звуков, я согласилась. Между прочим, потом Игорь совершенно забыл, что мы познакомились, когда я ехала к кому-то в его подъезде.

Игорь легко поднял меня на руки. На законных основаниях я прижалась щекой к его груди. Так я впервые ощутила, как бьется его сердце, и увидела его лицо снизу, очень близ-

ко.

И снова сомнения раздирали мой разум. О чем мне говорить с ним? Рассказать, кто я, невозможно. Это все испортит. Я чувствовала, что любовник замужней дамы – это не его амплуа. Врать я не умею, да и боюсь запутаться. С другой стороны, он был нужен мне, я чувствовала, что уже не выпущу его.

Была и третья сторона – Игорь явно был не из тех парней, что соблазняют любую вывихнутую девушку, найденную в лифте. Что мне сделать, чтобы он полюбил меня?

Все мои терзания были напрасны. Я не учла, что он был романтиком, самым старомодным из старомодных романтиков. Он верил в любовь, он верил во внезапно вспыхнувшую страсть, в чудеса, в превращения лягушек в принцесс. Спустя еще одну счастливую и тревожную минуту Игорь внес меня в свою малюсенькую квартиру, немного запущенную, немного безликую, но пропитанную им, а значит, уютную для меня.

На диване я рассмотрела свою опухшую синеющую лодыжку, но совсем не расстроилась. Какие мелочи, право слово! Зато я здесь, в его обиталище, и он суетится вокруг меня.

А когда нога была улагодворена и перевязана, я взяла Игоря за руку. Он сидел на корточках перед диваном и любовался повязкой на моей ноге, а может, и самой ногой. Он удивленно поднял глаза.

Глаза были... нет, не голубые, а бирюзовые, с серебристы-

ми точечками на радужке, очень живые и выразительные. Сейчас в них были удивление и ожидание, а через минуту, когда я опустила его руку себе за спину и потянулась к его губам, – предчувствие.

Он без слов понял все, что я хотела, чтобы он понял.

Как странно, ведь я ни на минуту не усомнилась в правильности всего, что происходит. Это было настоящее. Так горячо не может быть между мужчиной и женщиной в лживую минуту. Не могут так холодеть и дрожать руки, не может быть таким обжигающим вкус поцелуя, если это все просто так.

...Я молча пела, выходя из такси возле дома Ника Сухарева. Мне стало легко, и я была уверена, что теперь смогу вести имитацию нормальной жизни.

И понеслись дни! Второй раз я побывала у Игоря через неделю. За эту неделю ничего не произошло, кроме того, что душа моя истлела, а левая щиколотка пришла в норму. Игорь совсем не удивился, встретив меня у своего подъезда. Он начал целовать мое лицо еще в лифте, где я с нежностью заметила маленькую щербинку в металлической окантовке края кабины, оставшуюся от моего каблука.

Игорь шептал, что ждал, что это безответственно с моей стороны бросать его вот так: без номера телефона, без имени, которое можно повторять весь день как мантру и всю ночь как заклинание! Он нашел длинную светлую волосинку возле зеркала в прихожей и боялся потерять ее, а все наде-

ялся, что она будет ниточкой ко мне, что я приду по ней.

И в тот раз мне удалось ничего не сказать о себе. Я сняла одежду еще на пороге его комнаты. Снять трусики было намного легче, чем сказать хоть пару лишних слов о себе.

Когда я одевалась, Игорь вдруг стал похож на себя десятилетнего. Такое выражение глаз – я хочу, а ты, как всегда, собираешься запретить – я неоднократно наблюдала на Митиной мордочке.

– Только скажи, – попросил он. – Только скажи: ты придешь еще?

Он смирился с моими условиями. Все, что он хотел знать в те первые свидания, – приду ли я! Он был необыкновенный, чем больше я узнавала его, тем необыкновенней он мне казался.

За год нашей любви я поняла, что любовью можно заниматься по-разному. Можно для того, чтобы выразить свои чувства, а можно в терапевтических целях, для скорейшего заживления рубцов на сердце. Игорю был свойствен первый вариант, а мне – второй.

А я с разбегу ныряла в его объятия только с одной целью – клин клином вышибить... Свой эгоизм я камуфлировала нежностью и легкомыслием, которое вообще-то было мне абсолютно несвойственно.

Глава 3

В первые наши встречи Игорь чувствовал – мое молчание неспроста и деликатно развлекал меня историями из своей жизни. Однажды он рассказывал что-то забавное и по ходу пьесы со смехом признался, что его папа известный в нашей области человек, а мама – бизнесвумен, владеющая сетью аптек. А сам он ни в мать, ни в отца, ни в проезжего молодца.

Игорь ушел из дома родителей еще в восемнадцать лет – в армию. Маму с папой его поступок шокировал: Игоря откупили от службы, заплатив безумные, особенно по тем временам, деньги.

«Идиот!» – отреагировал отец Игоря и уехал на заседание областной думы. Впоследствии он пожелал извинений от сына, но так их и не дождался. «Господи, ну что я могу сделать?» – вздохнула мама, на целую минуту оторвавшись от подсчета прибылей.

Игорь вернулся из армии. Сам, без всяких денег и связей, поступил в институт, окончил его, получил профессию и устроился на работу. Домой его не звали, а он и не стремился. С жильем ему повезло. Сначала он вместе с другими такими же студентами снимал квартиру, а потом получил наследство. Умерла двоюродная тетя Игоря. Она была одинока, Игоречка всегда любила (а можно ли его было не любить?) и квартиру завещала, конечно, ему.

Когда я встретила Игоря, он работал в администрации (забавно получилось: администратор в администрации!), потом что-то или кто-то там его достал, он уволился, и я помогла ему найти работу в развлекательном комплексе «Джаз».

Хочется как-то описать Игоря, но рассказывать о таких людях очень трудно – получается вроде бы как характеристика с места работы в милицию. Мужика арестовали за то, что он аварию спровоцировал, а с работы пишут, какой он ответственный и порядочный. Игорь найден мертвым в постели с другой женщиной, а я распинаюсь, каким он парнем был!

Но что можно поделать, если однажды ты встречаешь идеального мужчину? Можно придумать ему страшные грехи и успокоиться, а можно признать, что принцы бывают. Если бы год назад я действительно искала настоящую любовь, а не противоядие, то я бы даже не пыталась претендовать на его чувства. Такие, как он, созданы вызывать комплексы у учительниц, особенно перешагнувших рубеж тридцатилетия.

Внешняя красота, о которой он даже не задумывался, интеллект, врожденная мудрость души, позволявшая ему держаться собственного курса в жизни, – и все это в абсолютной гармонии. И он умел хотеть того, что ему принадлежало.

Я сказала, что Игорь смирился с моими произнесенными условиями романа, но смирился он только в самом начале. Потихоньку, не мытьем, так катанием, не требованиями, а обещаниями, он разведал мой номер телефона. Честно

говоря, для меня это было неопасно. Старый муж, грозный муж за моим мобильником не охотился.

Ну а еще через несколько недель терпение Игоря затрепало.

Субботний вечер был в самом соку, а я отбывала домой, как обычно, без объяснений.

– Я знаю, что все мужчины мечтают об идеальной любовнице, – сообщил он в тот момент, когда я поднималась с кровати, близоручко озираясь в поисках собственного белья.

– Какой такой любовнице? – Я нашла его на полу, под мятыми штанами Игоря.

– О женщине, которая приходит не слишком часто, быстро раздевается, страстно занимается любовью, а потом сразу уходит.

Я обернулась. Он лежал на боку, опираясь на левый локоть. Его бедра прикрывала только скомканная нашими телами простыня. Один только взгляд на него заставлял мое сердце биться быстрее.

Но я почувствовала: под рассеянной улыбкой Игоря скрывались беспокойство и нетерпение. Он уже не хотел мириться с молчанием. Он хотел знать.

Я улыбнулась, натянула платье и решила, что надо быстрее убегать. Придумаю что-нибудь к следующему разу.

– Куда ты так спешишь? – Игорь неумолимо переходил в атаку. – Суббота, вечер. Кто тебя дома ждет?

– Любимый мой, в этом ничего интересного нет. Я рабо-

тать должна. Диссертацию кропаю.

– На какую тему?

Мои мозги начинали закипать. На какие темы вообще диссертации пишутся?

– История.

– Древний Рим? Инквизиция? О Столыпине?

– Господи, – засмеялась я как можно легкомысленней. Пришлось снова признавать, что он слишком умный! – Ну какая разница?

Игорь тоже рассмеялся. Потом поднялся с постели и взялся одеваться. Натянув штаны, он сказал немного раздраженно, еще не выказывая недовольства в полном объеме, но уже вполне на него намекая:

– Ты врешь мне.

Я была уже на пороге. Его тон, его поза – полубоком ко мне, чуть выставив вперед плечо – показались мне достаточно серьезной угрозой восхитительному благополучию нынешней моей жизни. Пришлось вернуться. Улыбаясь, я подошла к нему очень близко и потянулась к его губам. Он отстранился.

– Игорь, тема моей диссертации «Государственная идеология в России второй четверти XIX века». Годится?

Он сам поцеловал меня после этого.

Я убежала.

Разговор продолжился еще через неделю, но я была готова. Более того, я спровоцировала его, захватив бутылку

очень приятного чилийского вина.

Игорь не ожидал такого пассажа, но воспринял его дружелюбно. Весело сгонял на кухню за стаканами, извинился за негламурность посуды, порезал сыр и колбаску. Мы разместились на полу – негламурность мебели тоже имела место.

– Какой повод? – спросил он, поднимая стакан.

– Нужен повод? – Как нравилось мне смотреть на него! Он опирался спиной о стену, его колени находились на уровне плеч, и выглядел он словно мальчишка, который вместо подготовки к экзаменам пьет пиво с друзьями. – Ладно: первая совместная попойка! Заодно узнаю, умеешь ли ты пить.

– Ага. Хороший повод. Как диссертация?

Вопрос был самый нужный.

– Пойдет. Правда, долгая песня получается. Защита только через шесть месяцев, но я абсолютно не готова.

– Ты работаешь где-нибудь?

Я стала рассказывать о школе, благо было что. В целом живописала свою досухаревскую жизнь, объясняя свою жуткую, жуткую занятость классным руководством, диссертацией и родственниками, которым все время нужна была помощь. В моей версии мама оказалась одинокой дамой со странностями, сестры – не приспособленными к жизни подростками.

С каждым словом я чувствовала, как Игорю становится легче. Отодвинув бокалы в сторону, я подсела к Игорю ближе и взялась за ремень на его джинсах. В его глазах уже чи-

талось ожидание. У него была особая манера перед поцелуем закусывать нижнюю губу, словно пытаясь от поцелуя удержаться. И это был знак.

А в июне Игорь сделал мне предложение.

Предложение, о котором я говорю, имело скорее форму ультиматума. Я бы и раньше могла догадаться о назревании проблем в наших отношениях, но мне не хотелось напрягаться и анализировать обстановку в тот момент, когда рядом со мной был красивый, умный и сексуальный мужчина. С ним можно было посмотреть фильм, поговорить о путешествиях, снах, кино и музыке – о тех вещах, которые максимально далеки от реальной жизни. Или, если все-таки постараться быть честным, о тех вещах, в разговоре о которых можно многое скрыть.

И его можно было целовать. А это было невероятно хорошо!

Я понимала, что рассуждаю как мужик. Нормальная женщина совершенно четко настроена выполнить свою программу. Она сама будет добиваться официального закрепления отношений с любимым, затем чтобы потом родить от него ребенка и чувствовать себя еще более полноценной в этой жизни личностью. Но я все не могла определиться – чего же или кого же я хочу? Отчасти было бы правильно признать несколько шокирующий для меня самой факт, что целый год я испытывала чувства (эмоционально очень разнообразные) к двум мужчинам одновременно. И если Игорь с

каждой нашей встречей становился мне все более близким, то Ник с каждым днем будто ускользал от меня в свою собственную, насыщенную и интересную жизнь. Мне надо было идти навстречу Игорю, а я все смотрела вслед Нику.

И в один прекрасный теплый июньский вечер, когда я жаждала только тепла и ласки, он просто отказался раздеваться и заявил на полном серьезе:

– Нам надо кое с чем определиться.

– С чем же? – игриво поинтересовалась я, расстегнув несколько пуговичек на блузке и опускаясь перед ним на колени.

Он сидел на диване и старательно отводил глаза от моей груди.

– Я не могу так дальше. Ты понимаешь?

Я смотрела на него снизу вверх с видом школьницы, которую ругают за слишком короткую юбку:

– Нет, не понимаю. Иди сюда!

– Что я о тебе знаю? – продолжал он упрямо. – Только какие-то факты из биографии, твои любимые книги, кино, что-то еще... Это важно, это характеризует тебя, но я никогда не видел твоих подруг, твоих родителей, не был у тебя в гостях. Мы год знакомы. Это нормально?

– Ну а почему нет? – мягко сказала я, спуская блузку с правого плеча.

– Я готов был бы поиграть в тайны, но я не Джеймс Бонд, я хочу рядом понятную женщину, любимую, друга.

Наблюдая за ним, я чувствовала, что мое расслабленно-сексуальное настроение исчезает. Мне становилось грустно – прекраснейшее время моей жизни, полное всяких-разных надежд, насыщенное любовью, кажется, проходило. Определенность пугала, и мне так не хотелось признавать, что пришло ее время.

– Давай решать, – услышала я. – Мы вместе или нет?

Заставив себя улыбнуться, сказала легкомысленно:

– Милый мой, как я понимаю, это предложение?

Он наконец-то посмотрел на меня, прямо в глаза, прямо в сердце:

– Да.

Неожиданно стало ясно, что выбирать, особенно если кто-то делает это за тебя, – не так уж страшно. Надо признать, что Нику я не нужна.

Теперь я улыбалась по-настоящему:

– Значит, я его принимаю...

А на следующий день Игоря убили.

Часть третья. Регтайм

За пять лет до описываемых событий

Глава 1

Ясно помню тот день, когда моя судьба круто изменилась. Это было в мае, пять лет назад. Конец весны, цветущие каштаны, первые по-настоящему теплые вечера. Учебный год кончился, и мне, учителю истории и классному руководителю пятого класса, предстояло подумать о том, как жить дальше. В смысле как провести лето. Если честно, оно не обещало ничего особенного.

Мое состояние можно было бы назвать легкой депрессухой, которая длилась уже... лет пять, пожалуй.

Помню, что я доставала из ящичков стола книги по истории, которые приносила в класс на протяжении всего года. Доставала и размышляла – стоит ли их тащить, надрываясь, домой? В следующем году они снова понадобятся.

Мысль о том, что все ежегодно повторяется, повторяется вплоть до мельчайших подробностей, исподволь напрягала меня. Я наблюдала за старшим поколением учителей и могла только восхищаться им. Как этим женщинам (из мужчин

у нас были только директор, жуткий проныра и аферист, и учитель физкультуры, чтобы сказать о нем все, достаточно упомянуть, что был он отставным военным) удастся справиться с невыразимой тоской закольцованной жизни? Как не мучает их дежавю? Почему они не путают учеников, не визжат от ужаса на каждой линейке первого сентября? Это же День сурка какой-то!

Гоняя в голове вялые мысли, я не сразу заметила, что возле моего учительского стола стоит мужчина. Подняв голову, я узнала его. Это был Николай Александрович Сухарев, отец-одиночка одного из самых прожженных шкод не только в моем классе, но и во всей школе.

Я надеялась, что не увижу ни этого человека, ни его сынишку в ближайшие три месяца. Но Сухарев стоял передо мной, такой реальный и осязаемый, одетый в мятые серые хлопковые штаны и черную, слегка застиранную майку.

– Можно? – спросил он, указывая на стульчик за первой партой. Сухарев не поздоровался. Это было не в его привычках.

Я кивнула.

– Что случилось? – спросила я, понимая, что произношу его реплику. Обычно Сухарев появлялся у меня в кабинете после моего звонка и именно с этого вопроса начинал разговор.

Мой собеседник тянул с ответом. Потом слегка пожал плечами и сказал нечто, что я осознать с ходу не смогла:

– Выходите за меня замуж.

Видя, как округлились мои глаза, он оперся локтями о парту и, обретя опору, стал объяснять.

– Это, конечно, странно выглядит, – признал он. – Могу понять, что вы думаете. Простите за патетику, но сын для меня – самое важное в жизни. А ему нужна мама. Вы сможете стать мамой Митьке? Он мечтает об этом.

Этот бред он произнес абсолютно серьезно.

– Я понимаю, что предложение мое звучит очень странно. Но я не предлагаю ничего... такого.

Я ненадолго задумалась – что он называет «таким»? Очнулась, расслышав сладкое слово «деньги».

– Я буду обеспечивать вас. Работать вам будет необязательно. Если только, конечно, вы захотите работу оставить. Многие женщины не хотят зависеть от мужа, я все понимаю. Словом, поступайте как вам удобнее...

Мы смотрели друг другу в глаза: он – инсценируя интеллигентское смущение, приличествующее случаю, а я – продолжая неприлично пялиться, как деревенская дурочка.

Спросила, чтобы что-нибудь сказать:

– Но зачем жениться? Вы можете няню нанять.

Он немного опустил голову, технично разорвав визуальную связь. У меня возникло ощущение, что я задала слишком личный вопрос.

– У ребенка должны быть отец и мать, то есть настоящая семья. Няня – не то. Я уже, честно говоря, не справляюсь. У

нас еще бабушка есть... Две бабушки. Они могут последить за Митькой, покормить, на улицу не пустить, и только. А его воспитывать надо. Причем профессионально. Я наблюдал за вами, у вас это получается.

Я слушала речи этого странного фантазера и смотрела на него, словно видела в первый раз. Пыталась понять, как это может быть? Как вести себя с ним? И принимать ли всерьез то, что он говорит?

Для начала я постаралась разглядеть его получше. Может, это звучит странно, но у меня есть особый внутренний сканер, который помогает разбираться в людях. Он был у меня с детства и вполне эффективно спасал от ложных друзей и неверных поклонников, позволяя избегать тех самых детских стрессов, последствия которых с наслаждением лечат психотерапевты.

Мой сканер работает так, что, глядя на человека или, в редких случаях, просто вспоминая его, я на долю секунды словно бы проникаю в его внутреннюю сущность. Эта доля секунды не проходит даром. Увидев окружающий мир глазами другого человека, я начинаю ощущать этого человека, понимать его и, самое важное, немного предвидеть его реакцию. Так вот, Сухарева мой сканер не читал.

О самом Николае (или, как он представлялся, Нике) Сухареве я знала, что ему принадлежит ресторан «Джаз», в котором сама ни разу не была, хотя слышала, что место это интересное. У нас в Гродине джаз даже на дисках непросто бы-

ло купить, а уж живьем услышать – просто нереально. Зато в ресторане Сухарева джазовые концерты проводились регулярно.

Вся школа с удовольствием обсуждала, что для обеспеченного человека он слишком небрежно одевался и ездил на «мазде», которой, по словам нашего директора, уже лет пять стукнуло. Сухарев регулярно забывал бриться, стричь волосы и здороваться. Но я заметила, что пахло от него всегда хорошо – каким-то приятным ненавязчивым парфюмом и сигаретным дымом. Иногда немного коньяком. В те времена я еще не знала, что коньяк он пьет намного чаще, чем все остальные люди пьют чай.

Пытаясь понять, во что мне грозит влипнуть, я тайно, но очень внимательно рассматривала его серьезное узкое лицо с глубоко посаженными глазами и жестким ртом. Только сейчас разглядела, что радужка вокруг его зрачка была светло-коричневая, с желтыми бликами, как у хищника из рода кошачьих – рыси, например. Кажется, такой цвет называют медовым. Для женщины такие глаза стали бы украшением, а вот мужчине, да еще за сорок, такое великолепие было как-то ни к чему. Еще я вспомнила, что и у Митьки тоже такие медовые глаза.

Украдкой поглядывая на собеседника, я думала, что это хорошо, когда человек уже не слишком молод – морщины и взгляд могут многое выдать. Вот, к примеру, складки возле уголков рта бывают у людей, которые либо слишком много

смеются, либо на их лицах слишком часто появляется презрительное выражение. Морщинка между бровями – у тех, кто постоянно сдвигает брови. А брови сдвигаются как в беспокойстве, так и в гневе.

Итак, смех, высокомерие, беспокойство и раздражительность. Очень хорошо, но я ничего не поняла.

Это было все, что я сумела узнать о Нике Сухареве методом наблюдений.

Я попыталась прислушаться к голосу Сухарева. Тембр был приятный, глубокий, но сдержанный, будто бы чувства свои этот человек зазря не обнажает. Мысли, как я уже говорила, довольно странные, он излагал ясно, четко, понятно и деловито. Человек с хорошо подвешенным языком. А я не люблю косноязычных. Наверное, в детстве мама заставляла его много читать... Впрочем, это домыслы и к делу отношения не имеют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.